

Света

Мне было примерно двенадцать лет, когда я впервые увидела Свету.

На дворе стояло знойное июльское лето две тысячи пятого года, мы шумной гурьбой возвращались с речки. Никто не торопился по домам – утомлённые игрой в «догонялки» мы, как всегда, собирались устроиться на любимой лавочке возле одного из дворов. Давно не крашенная, но крепкая скамейка притаилась у забора, за которым раскинула гибкие ветки спелая чёрная смородина.

Желанное место оказалось занято. Незнакомые девочки, судя по всему сёстры, были на несколько лет младше нас. Они тихонько шептались друг с другом, сидя на лавочке. Третья, примерно лет трёх, что-то разглядывала на земле, опустившись на корточки. Голенькая, перемазанная пылью и соком ягод, она мгновенно спряталась за спины сестёр, которые встали, стоило нам приблизиться.

– Пошли вон отсюда, – возмутилась моя подружка. – Это наше место!

– Да, валите! – присоединилась вторая.

– Лохушки!

– Мы первые пришли! – попыталась оправдаться одна из девочек, но её никто не слушал.

Наша компания не собиралась уступить, и с обеих сторон посыпались обзывания и угрозы. Мне уже не хотелось сидеть на этой лавочке, не хотелось смеяться над чужими шутками, и есть смородину тоже не хотелось. Я разглядывала светловолосую малышку, в больших глазах которой читался испуг. Она нервно дёргала старшую сестру за руку, пока та не сдалась. Девчонки ушли, и только малышка оглянулась спустя пару десятков шагов. Я молча смотрела им вслед.

Мы остались на отвоёванной территории.

– Кто это? – мне казалось, что я уже где-то их видела.

– Помнишь, по дороге из школы дом с зелёными облупленными воротами? Там ещё трава по колено растёт, – ответила Настя.

Я задумалась. Зелёный был популярным цветом в деревне, и по пути домой можно было насчитать с пару десятков таких дворов по обеим сторонам проезжей части.

– А окна, затянутые плёнкой? – добавила Юля.

Я кивнула. Такой дом был только один.

– Они там живут. Марина, Таня и Света – самая мелкая. У них родители – алкаши.

– И вши, – произнёс кто-то из компании. Раздался смех.

– Мама говорит, что они заразные, – Юля брезгливо осмотрела лавочку и сделала пару шагов назад.

Ребята продолжали высмеивать ушедших девочек, а мне почему-то было неловко за наше поведение. И неважно, что они нас уже не слышали – смеяться над чужой бедой казалось неправильным.

Занимаясь домашними делами, мне никак не удавалось выбросить из головы Свету. Может, стоило заступиться? Но как бы к этому отнеслись мои друзья? Скорее всего, не поддержали, но... Отчего-то хотелось помочь этим девочкам, правда, я даже не знала, чем.

Сомнения не покидали меня до самого вечера, и, наконец-то решившись, я попыталась осторожно расспросить бабушку. Скрыть переживания от её пронизательного взгляда у меня не получилось.

– Это всё Вовка, их отец. Мало того, что сам пьёт, так и жену спаивает.

– Почему она не откажется?

– Привыкла. А от привычек очень трудно избавиться, – вздохнула бабушка. – Ты их не обижай, дружочек, им и так не сладко.

Я кивнула.

– Света голая по улице ходит. Это же плохо...

– Плохо, – согласилась ба. – Но что поделаешь?

Можно в органы опеки сообщить, но девчонок тогда заберут в детский дом.

О детских домах я знала только то, что показывали по телевизору, и ничего хорошего там не было. Буквально на минуту я представила себя среди этих детей – никому не нужных, потерянных и одиноких. На глаза навернулись слёзы. Нет, нельзя рассказывать никаким органам. Лучше хоть какая-то семья, чем вообще никакой...

До конца лета я часто встречала их на нашей улице. Изредка на Свете были надеты трусы, иногда – даже маечка. Они ходили купаться туда же, куда и мы. На любую шутку нашей компании реагировали злобно: бросались тиной, обзывались, в ход шли ветки и даже мелкие камушки. Я не понимала этой войны. Нам нечего было делить, но, видимо, мои друзья считали иначе. Им нравилось доставать Марину и Таню, любые их попытки защититься вызывали смех. В глубине души я переживала за сестёр, но пойти против друзей так и не решилась.

К осени «война» поутихла. Новым местом встреч стали качели, поставленные дядей Колей для детворы. Дом, где жили девочки, находился напротив, через дорогу. Они не ходили ни в садик, ни в школу, а потому весь день шатались по округе или качались на этих качелях. Я отдавала им оставшиеся после школьного обеда булочки и печенье, которые они съедали на месте, иногда вырывая друг у друга из рук. Света всегда была с ними. Я таскала из дома конфеты, чтобы угостить её. Марина и Таня не вызывали у меня таких чувств, как эта малышка. Она робко брала сладости с моей ладони и тут же засовывала их в рот, боясь, что отберут.

В начале декабря, когда под ногами уже похрустывал первый снег, я возвращалась из школы и заметила Свету, в одиночестве гуляющую возле дома. Марины и Тани нигде не было видно. Я подошла к ней, привычно протягивая конфеты. Она взяла их, сунув в карман, и впервые робко улыбнулась в ответ. А потом молча ухватила меня за руку и потянула в сторону ворот.

Я не сопротивлялась, охваченная любопытством.

Оказавшись во дворе, я почувствовала, как поперёк горла встал ком. То, что до этого пряталось за забором: гниющий мусор, сломанная мебель и прочий хлам, осколки стекла и очистки овощей, валяющиеся под ногами, – привело меня в ужас. Как и покосившиеся скрипучие входные двери, окна, закрытые грязной и местами порванной плёнкой, прогнившие ступени...

Воздух внутри дома был застоявшимся и густым. Он с порога ударял в нос тошнотворной смесью перегара, горелой пищи и замоченного несколько дней назад белья. Девочка тянула меня в сторону наваленной на диван кучи тряпок, а я не могла сдвинуться с места, осознавая, что Света давно привыкла к запаху нищеты, пропитавшему всё вокруг.

Казалось, что если я прикоснусь хоть к чему-то в этой комнате, меня постигнет та же участь, что и этого ребёнка.

Я вырвала свою руку из её крошечных пальчиков и выбежала за ворота, с жадностью вдыхая морозный воздух. Света вышла за мной. На её лице читались обида и непонимание, в голубых глазах застыли слёзы. Мне стало стыдно, и я попыталась её обнять. Она оттолкнула меня и скрылась за калиткой.

Я не пошла за ней.

И с тех пор возвращалась домой из школы по другой дороге.

Защитник

Моисея во дворе никто не любил.

Виной этому был то ли его непримиримый характер, то ли склонность к долгим рассуждениям на темы, которые никого, кроме него, не интересовали. Популярность среди других обитателей он заслужить даже не пытался, поглядывая на окружающих с долей высокомерия.

Никто не цеплялся к Моисею с надуманными проблемами, не пытался втянуть в бесполезную болтовню, позволяя ему пребывать в благодатной тишине и покое.

У него не было друзей.

И он не печалился по этому поводу.

«Друзья, – философствовал Моисей, – дело временное. Сегодня они есть, а завтра...». Что завтра – не договаривал, обрывая фразу на полуслове и задумчиво поглядывая в сторону дома.

Чужих он не любил.

Все, кто появлялся во дворе, сторонились Моисея, стремясь быстрее скрыться за массивной дверью. Его воинственный вид отбивал всякое желание сводить близкое знакомство. Некоторым и вовсе казалось, что в глазах Моисея пылает адский огонь. Так это или нет, сам Моисей не знал, но, выпятив грудь колесом, важно прогуливался перед крыльцом.

«Что есть жизнь? – рассуждал он, прячась от палящего солнца в тени раскидистого дуба. – Всего лишь череда случайностей. Взять хотя бы Ваську. Был душой компании, любил вкусно покушать. А теперь что?...». Да и сам Моисей в последнее время всё чаще стал ловить на себе пристальный взгляд Бориса – хозяина фермы. А все знали: если Борис так смотрит, ничего хорошего ждать не стоит.

Но Моисей, в отличие от остальных, по этому поводу не переживал, а на все непрошенные советы отвечал коротко:

– Не ваше дело.

В один из летних дней, когда разморённые солнцем обитатели двора предавались ничегонеделанию, к ним пожаловали гости. Шустрые воробьи принесли тревожные вести: на соседних фермах по ночам стали пропадать жители.

Страх и беспокойство охватили птичий двор. Дошло до того, что его обитатели потеряли аппетит, а по ночам не замолкали ни на минуту, надеясь, что криками, шумом и разговорами отпугнут похитителя. Это ужас как раздражало Моисея, ценившего тишину и сон.

– Неизвестное всегда представляется более значительным, чем оно есть на самом деле, – говорил Моисей, пытаясь вразумить соседей.

Но всё было бесполезно. И, когда кому-то пришла в голову идея назначить дежурных, он, вздохнув с облегчением, её поддержал.

По ночам снова стало тихо.

Через несколько дней паника полностью улеглась, а дежурные расслабились, что не укрылось от зоркого взгляда Моисея. Он, хорошо знающий своих соседей, это предвидел. А потому нёс своё собственное круглосуточное дежурство, прерываясь только на короткий дневной отдых.

Очередная ночь выдалась безлунной. Ветер-непоседа притаился в тени, изредка расчёсывая пятернёй зеленеющую траву. Бесформенные облака неспешно плыли по синевато-чёрному небу, цепляясь краями за верхушки молчаливых деревьев. Сладкий сон сморил весь птичник, даже тех, кто должен был нести дежурство в эту ночь. Но бдительный Моисей не смыкал глаз.

Перед рассветом одна из досок с лёгким скрипом отодвинулась, и незваный гость скользнул в проём.

Моисей уловил едва заметное движение чужака, и с криком:

– Получай, воришка! – налетел на него, целясь в темечко.

Когтистая лапа распоролла замерший воздух, а взбешённый Моисей, захлопав крыльями, напал с другой стороны, стараясь зацепить незащищённые места.

– В атаку! – закричал он, перебудив соседей.

И не только их.

Громкий посторонний шум, донёсшийся из сарая, привлёк внимание хозяев. Разбуженный Борис, прихватив стоящую у порога крепкую палку, отправился к птичнику.

Картина, представшая его глазам, выглядела сюрреалистично.

Посреди сарая, на обездвиженной тушке лисицы, как на насесте, чинно восседал Моисей. Окровавленный, с обломанными, местами вырванными перьями, но не потерявший своей надменности. По углам жались встревоженные птицы.

– О, как, – удивлённо произнёс Борис, почёсывая затылок. – Ну, спасибо, защитник.

Моисей встал, оглянулся вокруг, проверяя, все ли целы, и, удостоверившись, что никто не пострадал, чуть прихрамывая на правую лапу, пошёл на улицу.

Первые солнечные лучи скользнули по тёмному небу и, разгоняя облака, коснулись земли.

Зазвучала песня нового дня.